

УДК 811.161.1'367.625

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДЕФЕКТНЫХ ВИДОВЫХ КОРРЕЛЯТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мацегора И.Л., к.филол. н., доцент

Запорожский национальный университет, ул. Жуковского, 66, г. Запорожье, Украина

filolognauka@yandex.ua

В статье рассматриваются особенности семантического согласования и синтаксического управления глаголов с неполным набором видовых форм. На материале лексем, зафиксированных в толковых словарях современного русского литературного языка, анализируется синтагматическая специфика подобных глаголов.

Ключевые слова: глагольная лексема, семантическое согласование, синтаксическое управление, валентность, категория вида

СИНТАГМАТИЧНА СПЕЦИФІКА ДЕФЕКТНИХ ВИДОВИХ КОРЕЛЯТИВ У СУЧАСНІЙ РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Мацегора І.Л.

Запорізький національний університет, вул. Жуковського, 66, м. Запоріжжя, Україна

filolognauka@yandex.ua

У статті розглядаються особливості семантичного узгодження та синтаксичного керування дієслів із неповним набором видових форм. На матеріалі лексем, які зафіксовані в тлумачних словниках сучасної російської літературної мови, досліджується синтагматична специфіка таких дієслів.

Ключові слова: дієслівна лексема, семантичне узгодження, синтаксичне керування, валентність, категорія виду.

SPECIFICS OF DEFECTIVE SYNTAGMATICALLY SPECIES CORRELATES IN CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

Matsegora I.L.

Zaporizhzhya National University, Zhukovsky str., 66, Zaporizhzhya, Ukraine

filolognauka@yandex.ua

The article discusses the features of the semantic and syntactic matching control verbs with an incomplete set of specific forms. Analysis of existing concepts and theories regarding the definitions of "valence", "compatibility", "syntactic control", "semantic agreement". Describe the dynamics of the development of views on these terms.

On the basis of these concepts polysemous attempt to justify their own vision of these terms, taking into account the views of the largest domestic scientists. On material tokens recorded in the dictionaries of modern Russian literary language, analyzed syntagmatic specificity similar verbs.

Analyzes verbs that are not paired by type correlates. Described range of tokens with which they can be combined, and a set of case forms, which they have control. Syntagmatic marked specificity similar verbs in modern Russian literary language against the background of tokens having a full set of specific forms.

The results can be used in further studies syntagmatic properties of words with incomplete paradigm of inflection. The prospect of these developments associated with their use in opportunity didactic aspect of the study morphology Russian language, Russian culture of speech, comparative grammar of slavic languages

Key words: verbal token, semantic matching, syntactic control, valence, compatibility, category type, morphological paradigm

Категориальная система языка представляет собой набор обобщенных грамматических понятий, интегральных категорий, объединяющих ряд соотносительных грамматических значений, взаимоотнопротивопоставленных и формально выраженных определенной совокупностью языковых средств. Одной из ключевых в анализе структурной и семантической организации предложения является категория семантико-синтаксической сочетаемости его элементов, ведь понятие предложения, как отмечал один из основоположников формального синтаксиса Люсьен Теньер, означает совокупность связей, которые объединяют слова, входящие в его состав [13, с. 42]. Изучение данного вопроса, как и проблемы формального и семантического структурирования

предложения в целом, остается актуальным в современной грамматической теории. Исследование категории сочетаемости в современном славянском языкознании обусловлено потребностью в изучении языка как органического целого, иерархически организованного, включающего в себя другие, подчиненные этому целому подсистемы.

В данной статье мы остановимся на анализе семантического согласования и синтаксического управления глаголов, характеризующихся видовой грамматической дефектностью.

Поскольку функционирование слов в речи происходит не изолировано, а, как правило, в определенном контекстном окружении, согласно тем нормам, которые существуют в языке, то значение конкретно употребленного слова всегда зависит от его семантико-грамматической позиции. В современной языковедческой науке потенциальная и реализованная сочетаемость отдельных компонентов целого часто именуется термином “валентность”. Но, как понятие многомерное и разноуровневое, оно рассматривается в разных плоскостях. А.Ф. Лосев определял валентность как “способность языкового элемента получать определенное значение (функцию) в связи со своим контекстом, или это отдельный звук, или объединение звуков в единую морфему; то ли объединение морфем в целостную лексему, или в отдельное слово; то ли объединение слов в целое словосочетание, в грамматическое предложение, или единицы еще более сложных связей” [12, с. 405].

И далее: «Не вводить в современное языкознание момента валентности, – отмечал ученый, – это все равно, если бы в природоведении игнорировать ядерную физику и понимать атом в мире тех статических представлений, которые существовали в науке полторы сотни лет тому» [12, с. 406]. Считается, что впервые относительно грамматики термин “валентность” ввел в научный обиход Люсьен Теньер, понимая под ним “совокупность связей глагола, которыми он удерживает при себе актанты (зависимые существительные или их эквиваленты с предметным значением)” [12, с. 407].

Одновременно с ним Карл Бюлер обнародовал свою теорию коннотации, согласно которой «употребление в тексте того или иного слова “открывает” рядом с ним “пустые места” (для других слов, которые принадлежат к определенным грамматическим и семантическим классам) [там же] .

В этом же году Гюнтер Порциг представил свою концепцию синтаксических полей. Суть ее сводилась к тому, что слово, особенно глагол или прилагательное, представляющее собой своеобразный центр гравитационного поля, “притягивает” другие слова, которые дополняют его содержание. Глагол или прилагательное с открытыми возле себя позициями для слов определенных семантических категорий создают так называемое «элементарное синтаксическое поле» [19, с. 119].

Нетрудно заметить концептуальную близость всех трех теорий, что является уникальным с учетом того факта, что ученые разных стран обнародовали их в одно время независимо друг от друга.

Стимулом для анализа в новых образно-терминологических системах синтаксических свойств слов (которые, бесспорно, осмысливались и раньше), вне сомнения, стали тогдашние достижения физики (теория поля, модель атома, и т.п.), а также сосюрговские положения синхронной лингвистики, в частности его теория ассоциативных и синтагматических отношений между словами. Более позднее учение о закономерностях объединения слов развивали и продолжали Ж. Фурке, Г. Бринкман, Й. Эрбен, Г. Гельбиг, Л. Вейсгерберг, В. Шмидт, П. Гребет [цит. по: 11, с. 105] и другие ученые. Сфера валентностного анализа распространяется на другие части речи, акцентируется внимание на тех признаках слов, которые предопределяют возможность грамматически

сочетаться с другими словами, различаются формально-синтаксические и семантико-синтаксические позиции предложения.

В советской лингвистике термин “валентность” впервые употребил С.Д. Кацнельсон, вложив в него гораздо более широкое значение, чем в концепции Теньера: «Полнозначное вещественное слово имеет конкретные синтаксические потенции, которые определяют употребление его лишь строго определенным образом, обусловленным уровнем развития грамматических отношений в языке. Это свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами можно было бы назвать синтаксической валентностью» [7, с. 21]. В ходе дальнейшего развития теории сочетаемости слов термины “валентность” и “сочетаемость” получили разное толкование.

Среди украинских синтаксистов теорию сочетаемости слов разрабатывали М.П. Кочерган [10], И.Р. Выхованец [2; 3; 4], А.П. Загнитко [6] и другие.

М.П. Кочерган различает валентность, сочетаемость и дистрибуцию слова следующим образом: дистрибуция – это непосредственное окружение слова в тексте; валентность – это наличие при слове определенного числа “вакансий”, которые должны быть заполнены определенными актантами, чтобы высказывание приобрело грамматическую и коммуникативную полноценность; сочетаемость – это способность слова вступать в связи с другими словами в тексте вообще [10, с. 41].

Глагольная семантико-синтаксическая валентность репрезентирует тип промежуточной межуровневой грамматической категории. По своим свойствам она соотносится с морфологическими, словообразовательными, семантическими и синтаксическими особенностями языковой системы. Наиболее распространенным является взгляд на валентность как «помещенную в лексическом значении слова синтаксическую потенцию, то есть способность присоединять к себе другое категориальное целиком определенное полнозначное слово» [18, с. 108].

Т.Е. Масицкая, развивая концептуальный взгляд И.Р. Выхованца на семантико-синтаксическую валентность, отмечает, что поскольку основным носителем валентности в структуре высказывания выступает глагол, то другие носители валентности (например, прилагательные, отглагольное и адъективное существительные) приобретают валентностные свойства в сочетании с глаголом. Прилагательные – в результате перемещения в предикативную позицию, существительные – как производные от глаголов и предикативных прилагательных элементы синтагмы [14, с. 20].

Валентностный потенциал глагола является составляющим компонентом его семной структуры, в комплексе создавая особую синтагматическую плоскость, которая взаимодействует и пересекается с соответствующей прагматической плоскостью существительных. Благодаря этой направленности и образуются структуры высказываний и предложений.

Способность глагола открывать или не открывать функциональные позиции для заполнения их субстанциальными синтаксемами имеет для семантико-синтаксического моделирования предложения решающее значение, поскольку от глагола полностью зависит, каким может быть конструктивное наполнение предложения, какие имена существительные будут глагол сопровождать, какое отношение к нему будут иметь эти существительные и как их можно охарактеризовать в семантическом плане.

В традиционной грамматике закрепились трактовка связи между опорным словом и падежной или предложно-падежной формой зависимого существительного как управления [1, с. 214]. По этому поводу И.Р. Выхованец отмечал, что традиционный взгляд на это явление «не отражает синтаксической специфики управления, поскольку

он ориентирован лишь на морфологические показатели. Большую объяснительную силу имеет квалификация управления как формы (способа) подчинительной связи, которая касается содержательно предусмотренной опорным словом сочетаемости косвенных падежей существительных без предлогов и с предлогами. В таком случае управляемыми формами нужно считать только те формы, которые предопределяются валентностью слов со значением собственно признаков» [4, с. 86].

Предикатный знак, согласно своей семантической валентности, формирует количество предметных компонентов и их значение. Эти предметные компоненты в лингвистике обозначены разными терминами: актаны (Л. Теньер) [цит. по: 1, с. 98]; предметные места (Т. Ломтев) [цит. по: 1, с. 98]; предикандумы (С. Кацнельсон) [цит. по: 1, с. 98]; глубинные падежи (Ч.Филлмор) [цит. по: 1, с. 98], существительные или аргументы (У.Чейф) [цит. по: 1, с. 98]; субстанциальные синтаксемы (И. Выхованец) [2, с. 35].

В частности, С.Д. Кацнельсон отмечает, что «валентные свойства предиката, которые реализуются в предложении, в самом предикате представлены в виде "мест", "пробелов", которые подлежат заполнению. Каждый предикат словно открывает "вакансии" для предикандумов, которые замещают эти вакансии» [7, с. 18].

В традиционной грамматике управление определяется не на синтаксической, а на морфологической основе и выступает как способ подчинительной связи, по которой опорное слово требует от зависимого соответствующей падежной или предложно-падежной формы. И.Р. Выхованец, указывая на недостаточность такого подхода, отмечает, что, поскольку подчеркивается, что каждая падежная, или предложно-падежная форма, подчиняясь опорному слову, является управляемой, то границы управления значительно расширяются и входят в сферу примыкания [4, с. 112]. Ученый считает, что вопрос об особенностях управления нужно решать на основе синтаксических критериев. «Исходным понятием при рассмотрении квалификации явлений управления становится понятие синтаксической позиции» [4, с. 112]. Если синтаксическая позиция каких-то компонентов тождественна, то эта тождественность не исчезает из-за разного морфологического качества данных компонентов, то есть компонентов, которыми руководит то самое опорное слово. Например, *Люблю чтение и люблю читать*, где имеем типичную позицию управляемого винительного падежа, которая во втором случае замещается управляемым инфинитивом.

В качестве синтаксического критерия для разграничения управляемых и неуправляемых членов предложения И.Р. Выхованец предлагает брать синтаксическую позицию, обусловленную только семантико-синтаксической валентностью предикатного слова. «Валентность точно очерчивает границы управления, зачисляя в него только те зависимые синтаксические компоненты, которые требуются лексико-грамматической природой управляющего слова» [4, с. 118]. Таким образом, автор фактически отождествляет понятие управления и валентности, и делает закономерный вывод, что в позиции управляемого слова могут быть не только именные словоформы, но и наречия, инфинитивы и т.п.

Такая трактовка понятий валентности и управления порождает определенные неудобства в определении других видов семантико-синтаксической связи – согласования и примыкания. Ведь изначально в основу их противопоставления были положены именно морфологические критерии.

На наш взгляд, наиболее продуктивным является такое толкование понятий валентность и управление, согласно которому последнее – это конкретное проявление первого, а именно – особый способ объединения словоформ для выражения определенных семантико-синтаксических отношений, состоящий в подчинении морфологической формы склоняемой части речи любому слову, находящейся в позиции

организующего элемента синтагмы. Управление может дифференцироваться по силе, в соответствии с тем, является ли оно проявлением облигаторной или факультативной валентности. Валентность же – это потребность слова в определенном синтаксическом окружении, мотивированная его синсемантической (смысловой недостаточностью для самостоятельной реализации своего содержания).

Вид принадлежит к числу тех морфологических категорий, семантическое устройство которых отличается определенной сложностью. В самом общем виде семантика этой грамматической категории описывается обычно как указание на то, «как протекает во времени или распределяется во времени ситуация, называемая глаголом» [5, с. 15]. Данное определение уточняет Б. Комри: «Виды – это разные способы представления внутреннего временного устройства ситуации» [цит. по 5, с. 17]. Столь широкие определения, по-видимому, не могут быть достаточно информативными. Безусловно, справедливо, что любая ситуация существует и разворачивается во времени, любое изменение в пределах ситуации происходит также во времени. Однако видовая семантика, скорее всего, относительно независима от временной. Ю.С. Маслов указывает: «Вид связан с понятием времени, но, в отличие от категории глагольного времени, он имеет дело не с дейктической темпоральной локализацией обозначаемого действия, а с его внутренней темпоральной структурой и тем, как она понимается говорящим» [цит. по 16, с. 15].

С нашей точки зрения, вид принадлежит к числу тех категорий, которые указывают на связь двух или более ситуаций: либо одна из ситуаций является отрицанием другой, и видовая форма выражает становление или устранение ситуации; либо одна ситуация соотносится с другой как абстрактная с конкретной; либо одна является следствием (результатом) другой; либо, наконец, налицо ряд однотипных ситуаций, связанных между собой определенным образом. Например, семантика совершенного вида в его главном точечном значении всегда включает значение «начать», где последнее понимается, как «в какой-то момент времени не существовать» [15, с. 107]. Это и есть семантический инвариант совершенного вида для его главного значения. Здесь, как можно видеть, представлено именно противопоставление некоторой ситуации X и другой ситуации, предшествующей X, применительно к которой существенно лишь то, что она – не-X [15, с. 109].

В современном русском языке нет глагола, глагольной формы, которая не имела бы видového значения. Однако далеко не каждый глагол образует видовую пару. Так, глаголы совершенного вида *опомниться*, *очутиться*, *хлынуть* не имеют соотносительных форм несовершенного вида, а глаголы несовершенного вида *отсутствовать*, *сидеть*, *лежать*, *обитать*, *бездействовать* не имеют соотносительных форм совершенного вида. Такие глаголы существенно отличаются от парных. Они имеют неполный (дефектный) состав грамматических форм, характерных для глагольного слова. Глаголы, не имеющие парных форм другого вида, называются одновидовыми. Такие глаголы бывают либо только несовершенного, либо только совершенного вида.

Проанализируем некоторые глаголы совершенного вида, не имеющие видовой пары несовершенного вида. Глагол *воспрянуть* имеет следующее описание в толковых словарях [15]: «*прийти в бодрое состояние, оживиться*». Семантически эта лексема может сочетаться с существительным *дух* (объект состояния) в форме творительного падежа (*воспрянуть духом*), с некоторыми наречиями, обозначающими образ и способ действия (*быстро воспрянуть духом*). Сочетаться с именами, обозначающими адресат действия, орудие действия, объект действия и субъект действия этот глагол не может. Однако субъектом состояния может выступать любое одушевленное лицо: *Сергей*

быстро воспрянул духом после длительной болезни отца (Д. Донцова Кекс в большом городе. – М. : Эксмо-пресс, 2007. – С. 35).

Встрепенуться – лексема, имеющая следующее словарное толкование: «внезапно вздрогнуть, оживиться, прийти в движение» [15, с.188]. Объект при данном глаголе невозможен, так как в силу своей семантики, действие не может переходить на что-либо. В качестве субъекта действия могут выступать имена существительные, обозначающие конкретные лица или представителей животного мира, например, *птенец встрепенулся после непродолжительного сна* (Энциклопедия животного мира); *Антонина встрепенулась после того, как услышала имя сына по радио* (Т. Шелехова «Омут», с. 51). Субъект и объект состояния при данном глаголе невозможны, так же как и адресат и орудие действия. Глагол *встрепенуться* может сочетаться с наречиями, обозначающими мгновенность, внезапность действия (*внезапно, вдруг*). Синтаксическое управление ограничивается творительным падежом (без предлога), например, *встрепенуться орлом*.

Ринуться – лексема, имеющая следующие дифференциальные признаки: «стремительно броситься, устремиться» [15, с. 605]. Объект действия в данном случае возможен в форме творительного падежа (*ринуться соколом вниз*), субъектом действия может выступать любой одушевленный предмет (*Птица ринулась вниз; Егор ринулся за преступником*), субъект / объект состояния, адресат и орудие действия из-за семантики невозможен. Данный глагол может сочетаться с широким кругом наречий, обозначающих образ действия, а также различную пространственную направленность, *ринуться стремительно, ринуться вниз, ринуться вверх, ринуться вперед / назад*. Также вполне возможно сочетание с другими глаголами, *ринуться спасти кого-либо*. Синтаксическое управление предполагает наличие имен в форме творительного падежа (беспредложное управление), винительного падежа (с предлогом), *ринуться в атаку, ринуться в поход*.

Хлынуть – лексема, имеющая следующее словарное толкование: «начать литься с силой, потоком» [15, с. 768]. Именованье объекта действия при данном глаголе возможно в форме именительного и творительного падежей: *В окно хлынул запах цветущих яблонь; Кровь хлынула из раны; Дождь хлынул потоком*. Субъектом действия может выступать любой предмет, имеющий соответствующую сему, согласующуюся с семой исходного глагола. Адресат и орудие действия невозможны. С наречиями данная лексема не сочетается. Синтаксическое беспредложное управление этого глагола ограничивается творительным падежом. Предложное управление возможно почти всеми падежами, кроме винительного.

Обратимся к анализу глагольных лексем, не имеющих соответствующих видовых коррелятов в форме совершенного вида.

Бездействовать – глагол, дифференциальными признаками которого выступают такие дефиниции: «находиться в бездействии» [15, с. 39]. Объект действия при данном глаголе невозможен в силу специфики семантики слова (бездействие не может качественно или количественно переходить на что-либо). Субъектом действия может выступать любой предмет, подвергающийся таким характеристикам, например: *механизм бездействовал, власть бездействовала*. Адресат и орудие действия при данном глаголе невозможны из-за особенностей семантики слова. Данный глагол, как правило, не сочетается с наречиями и другими глагольными формами. Синтаксическое беспредложное управление отсутствует, однако возможности предложного (слабого глагольного) управления ограничены в основном формами родительного и дательного падежа: *бездействовать от скуки, бездействовать от нежелания, бездействовать согласно намеченному плану*.

Недомогать – лексема, имеющая следующее словарное толкование: «чувствовать недомогание» [15, с. 355]. Объект действия при данном глаголе невозможен в силу специфики значения (недомогание, как правило, не переходит на другой объект). Субъектом действия может выступать любое лицо, испытывающее недомогание: *Наташа встала из-за стола, и ушла в спальню, сославшись на легкое недомогание* (Т. Полякова Шумовая дамочка. – М. : Эксмо-пресс, 2008. – С. 52). Адресат и орудие действия невозможны из-за семантики слова. Данный глагол может сочетаться с наречиями, обозначающими степень проявления признака: *сильно недомогать, слегка недомогать*. Синтаксическое беспредложное управление отсутствует. Возможности слабого глагольного управления ограничены формами родительного падежа, а в некоторых случаях и творительного: *недомогать из-за болезни, недомогать неделями*.

Подражать – глагол, имеющий следующие дифференциальные признаки: «*делать что-нибудь по какому-нибудь образцу*» [15, с. 479]. Объект действия возможен в форме дательного падежа (*подражать походке, подражать манерам, подражать голосу*). Субъектом действия может выступать любой одушевленный предмет окружающего мира, например: *Котенок подражает кошке в манере охотиться* (О. Короткова Заметки о домашних любимцах. – М. : Инфо-продакшн, 2009. – С. 12). *Устинья во всем старалась подражать матушке Епифании, так слепа была ее любовь к настоятельнице монастыря* (Д. Донцова Кекс в большом городе. – М. : Эксмо-пресс, 2007. – С. 68). Адресат и орудие действия невозможны ввиду семантики анализируемого глагола. Лексема *подражать* может сочетаться с качественными наречиями, обозначающими характер проявления признака действия: *подражать слепо, подражать истово*. Возможность синтаксического беспредложного управления ограничена в основном формой дательного падежа. Беспредложное синтаксическое управление также является ограниченным, но уже формами генитива: *подражать в силу привычки*.

Проанализировав глагольные лексемы, характеризующиеся видовой непарностью с точки зрения семантико-синтаксических особенностей, мы пришли к следующим выводам.

Глагольные лексемы, не имеющие видového коррелята в форме несовершенного вида обладают следующими синтагматическими особенностями: а) при них не всегда может присутствовать субъект действия; б) фактически отсутствуют адресат и орудие действия; в) синтаксическое беспредложное управление ограничено формами одного-двух падежей; г) допустимо сочетание с наречиями образа и способа действия (практически во всех случаях).

Глагольные лексемы, не имеющие видовой пары в форме совершенного вида, имеют следующие семантико-синтаксические особенности: а) при них, как правило, отсутствует объект действия; б) в некоторых случаях (в силу специфики семантики) нет субъекта действия; в) эти глаголы в редких случаях сочетаются с другими личными формами глагола; г) при них невозможны адресат и орудие действия; д) сильное синтаксическое управление (беспредложное) возможно в редких случаях, возможности слабого (беспредложного) управления ограничены формами одного-двух падежей (родительного, дательного).

Использование результатов данного исследования предоставляется возможным в контексте дальнейшей разработки проблемы синтагматического потенциала частей речи, имеющих неполный набор форм морфологических парадигм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке / В.М. Брицын. – К. : Наукова думка, 1990. – 320 с.

2. Вихованець І.Р. Граматика української мови. Синтаксис [Підручник] / Іван Романович Вихованець. – К. : Либідь, 1993. – 230 с.
3. Вихованець І.Р. Нарис функціонального синтаксису / Іван Романович Вихованець. – К. : Наукова думка, 1996. – 178 с.
4. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті / Іван Романович Вихованець. – К. : Наукова думка, 1988. – 255 с.
5. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола / М.Я. Гловинская. – М. : Просвещение, 1982. – 115 с.
6. Загнітко А.П. Позиційна модель речення і валентність дієслова / Анатолій Панасович Загнітко // Мовознавство. – 1994. – № 2–3. – С. 14–19.
7. Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности / Сергей Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 20–32.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 189 с.
9. Комри Б. Номинализация в русском языке: словарно задаваемые группы или трансформированные предложения? / Б. Комри // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 25. – 1985. – С. 180–194.
10. Кочерган М.П. Слово і контекст / Михайло Петрович Кочерган. – Львів : Академія, 1980. – 185 с.
11. Ломтев Г.П. Предложение и его грамматические категории / Г.П. Ломтев.– М. : Изд-во МГУ, 1992. – 199 с.
12. Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности / Анатолий Лосев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 5. – С. 403–410.
13. Люсьен Теньер Основы структурного синтаксиса / Теньер Люсьен. – М. : Прогресс, 1988. – 250 с.
14. Масицька Т.Є. Семантико-синтаксична валентність дієслова / Тетяна Масицька. – Луцьк : Волинь, 1996. – 91 с.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Под ред. Н.Ю. Шведовой] / Сергей Иванович Ожегов. – М. : Русский язык, 1984. – 817 с.
16. Перцов Н.В. К проблеме инвариантного грамматического значения (глагольное время в русском языке) / Николай Владимирович Перцов // Вопросы языкознания. – 1998. – № 1–2. – С. 3–25.
17. Степанова М.Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М.Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М. : Высшая школа, 1981. – 258 с.
18. G. Porzig. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen / G. Porzig // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 1934. – P. 117–125.

REFERENCES

1. Britsyn, V.M. (1990) “The syntax and semantics of the infinitive in the modern Russian language”, *Sintaksis i semantika infinitiva v sovremennom russkom yazyke*, Naukova dumka, Kiev, Ukraine.
2. Vyhovanets, I.R. (1993) “Grammar of Ukrainian language. Syntax”, *Hramatyka ukrainskoi movy. Syntaksys*, Lybid, Kyiv, Ukraine.
3. Vyhovanets, I.R. (1996) “Essay functional syntax”, *Narys funktsionalnoho syntaksysu*, Naukova dumka, Kiev, Ukraine.

4. Vyhovanets, I.R. (1988) "Parts of speech in semantic-grammatical aspect", *Chastyny movy v semantiko-gramatychnomu aspekti*, Naukova dumka, Kiev, Ukraine.
5. Glovinskaia, M.Ya. (1982) "Semantic types of species contrasts Russian verb", *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola*, Prosveshchenie, Moskva, Russia.
6. Zahnitko, A.P. (1994) "Positional model of the sentence and the valence of the verb", *Pozytysiina model rechennia i valentnist diieslova*, *Movoznavstvo*, no 2–3. – pp. 14–19.
7. Katsnelson, S.D. (1987) "On the concept of valence types", *Voprosy yazykoznavniia*, no 3. pp. 20–32.
8. Katsnelson, S.D. (1972) "Typology of language and verbal thinking", *Tipologiiia yazyka i rechevoe myshlenie*, Nauka, Leningrad, Russia.
9. Komri, B. (1985) "Nominalization in Russian language: verbal asked transformed group or suggestions?", *Nominalizatsia v russkom yazyke: slovarno zadavaiemyie grupy ili transformirovannye predlozheniia*, *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, Iss.25, pp.180–194.
10. Kocherhan, M.P. (1980) "Word and context", *Slovo i kontekst*, Akademiia, Lviv, Ukraine
11. Lomtev, G.P. (1992) "Sentence and its grammatical categories", *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii*, Moskovskii gosudarstvennyi universitet, Moskva, Russia
12. Losev, A.F. (1981) "On the concept of linguistic valence", *Izvestiia Akademii nauk USSR, Seriia literatury i yazyka*, vol. 40. no,5, pp. 403–410
13. Tenyer, Lyusien (1988) "Fundamentals of structural syntax", *Osnovy strukturnogo sintaksisa*, Progress, Moskva, Russia
14. Masytska, T.Je. (1996) "Semantic and syntactic valence of the verb", *Semantiko-syntaksychna valentnist diieslova*, Volyn, Lutsk, Ukraine
15. Ozhegov, S.I. (1984) "Russian dictionary", *Slovar russkogo yazyka*, Russkii yazyk, Moskva, Russia
16. Pertsov, N.V. (1998) "On the problem of invariant grammatical meaning (verb tenses in Russian language)", *K probleme invariantnogo grammaticheskogo znacheniiia (glagolnoe vremia v russkom yazyke)*, *Voprosy yazykoznavniia*, no.1–2. pp. 3–25.
17. Stepanova, M.D. and Khelbig, G. (1981) "Parts of speech and valence problem in modern German language", *Chasti rechi i problema valentnosti v sovremenom nemetskom yazyke*, Vysshaia shkola, Moskow, Russia.
18. Porzig, G. (1934) "Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen", *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, pp. 117–125.

УДК 811.161.2:81

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ НА ПРИМЕРЕ СТРУКТУРЫ, ВЕРБАЛИЗУЮЩЕЙ КОНЦЕПТ БЫТИЙНОСТЬ

Медведь М. Н., к. филол. н., доцент

*Харьковский торгово-экономический институт,
пер. Отакара Яроша, 8, г. Харьков, Украина*

mmedved@bigmir.net

В статье анализируется именная модель There-V-N(mod)-L, которая является эксплицитным языковым средством реализации категориального значения бытийности в современном английском языке. Сущность семантической категории «бытийность» базируется на концепте БЫТИЙНОСТЬ. Концепт БЫТИЙНОСТЬ существует в матрице доменов, которая объединяет различные профили базового значения «существование» – бытие, местонахождение, наличие, – и в которую входят пространство и время.

Ключевые слова: синтаксическая структура, бытийная модель, семантический синтаксис.